

заемой вещью, утяжеляющей эфемерную алхимическую мысль: вещь эфемерна — теория практична.

Чередование тематических узлов — именно такое чередование. Высокое алхимическое теоретизирование по поводу *металлов* неожиданно переходит в рассуждение о печах — глиняных, жарких, дымных. А это последнее — в умозрение по поводу алхимических *принципов*, способных составить искомый *эликсир*. Но дальше только-только коснувшаяся горных высот алхимическая духовность оборачивается веществом — множеством веществ — цветных, пахучих, ядовитых, целительных, крупнозернистых и тонкодисперсных, так и просящихся в жадные до дела, но... неумелые руки, притворяющиеся умелыми.

Альберт уже сообщил о печах (где надо греть), рассказал и о сосудах (в чем греть), поведал и о веществах (что греть). Остается сообщить самое, может быть, главное: как греть. И тут же следует подробное, шаг за шагом, описание операций с веществами, ведущих к окончательному совершенству — *золоту*.

Между тем каждый шаг — в некотором смысле сам по себе: каждое вещество может быть усовершенствовано и в своем индивидуальном *качестве* — как таковое. Но как? Только *огнем*, который не только изначальный принцип, но и тот *огонь*, которым *греют, обжигают, закаливают*. Отсюда описание горючих вспомогательных веществ, поощряющих *трансмутацию*. Сами же вещества в ней не участвуют.

Как будто все выполнено, воспроизводимо. Ан нет. Здесь-то и начинается таинственное описание магического ритуала, доступного лишь праведным. К делу примешивается деяние, к действию — священнодействие. Примешивается. Смешивается.

Принцип смешения несмешиваемого — образ действия алхимика, пародия на действие правоверного христианина. Смешивается все: *селитра* и *злость, гнев* и *купорос*, и все это вместе друг с другом. Именно после описания ритуальных действий следует ряд параграфов, описывающих смешивание. Но лишь совершенные вещи смешиваются лучше всего. Вот почему «физико-химическая» обработка (*очистка*) главных веществ занимает достойное место в этой *сумме*.

Всеядный алхимик, смешивающий как будто в одну кучу все, даже при подходе к сокровенному, непrouch рассказать вдруг о простой реторте, об обжиге второстепенных тел, но закончить самым главным: как же получить *золото*, если следовать всему, что здесь предписано?

В итоге: *золото* так и не получено, хотя, кажется, и могло быть получено. *Бытие* оборачивается *небытием*. Опыт и удача каждый раз уникальны, а потому невозпроизводимы. Всегда есть на что — в случае неудачи — сослаться. Сам принцип смешения *вещи* и *имени* — залог неуспеха, ибо *имя* вещественно, а *вещь* — бутафорская.

Вот почему полюса — бог и человек — остаются только вешками, а собственно алхимический миф проигрывается в полном небрежении этими крайними состояниями средневекового мышления. Ни теологизирование, ни технохимическое ремесло из алхимии не выводимы. Напро-